

УДК 316.733

КОНЦЕПТ ГРАЖДАНСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2010 г. О. С. Карнаухова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматривается процедура превращения политологического концепта гражданства в культурологический. Гражданство в контексте европейской культурологии оказывается не только связанным непосредственно с изменением и формированием новых коллективных идентичностей, но и претерпевающим эрозию, связанную с глобализацией.

Ключевые слова: *гражданство; коллективная идентичность; глобализация.*

The article considers procedures of citizenship's transformations from a political concept to a cultural one. Citizenship in the European context of Cultural Studies appears to not only being linked with changing and forming of a new collective identities but also falling into erosion within globalization.

Key words: *citizenship; collective identity; globalization.*

Превращение культурологии в межпредметную область исследовательских и образовательных практик спровоцировало рост гибридных проектов. Объектами рассмотрения становятся непривычные для классической гуманитаристики концепты и явления. В частности, из политологии произошло заимствование таких тем, как гражданство, социальные права, властные отношения.

Задача, которая стоит перед специалистами в области культурологии, состоит в прочтении проблем гражданства и принадлежности не в социально-политическом, но в социокультурном ключе. В этом случае современные государственные, социальные и культурные трансформации можно рассматривать не только в перспективе глобализационных процессов, но сквозь призму мультикультурализма, что представляет интерес в трех сферах – идентичность, гражданство, идеология. И актуальные нарративы культурной самобытности обретают смысл в рамках территориальной принадлежности и социальной инклюзивности, идеи, которые, собственно, и формируют круг современных политологических исследований и образовательных практик.

Современные Political Studies начина-

ют формирование собственного дискурса с демонстрацией того, что исходный импульс в оформлении гражданства и идентичности относится к эпохе Просвещения, когда Россия и Европа демонстрировали единство в процедурах их формирования, т. е. коллективная идентичность формировалась как социетальная и устанавливалась вокруг государства. И пока идентичность вращалась на интерсоциетальном уровне вокруг династии и государства, идентифицируемого с династией (Бурбоны, Габсбурги, Романовы), социетальная идентичность на внутреннем уровне фактически фрагментировалась неравенством среди членов донационального европейского общества.

В благословенные времена национальных государств гражданство не было видимо как национально и территориально определяемый конструкт. Для подтверждения этой концепции в европейских курсах по политологии используются ставшие классическими работы Т. Маршалла, К. Йопке. Т. Маршалл вел происхождение и экспансию гражданства через три века [4]. Первый тип гражданства – цивилизационный – возник в XVIII веке как право на слова, веры и собственности, связанный со складывани-

ем системы мировых экономических держав (в частности, Британской империи). Особенность «экономического гражданства» состоит в том, что его субъекты не люди, а институты – финансовые рынки и фирмы, которым подчиняются и правительства.

Второй тип – политическое гражданство – возникает в XIX веке как право участвовать в политической жизни общества как выбираемое или выбирающее лицо. Наконец, социальное гражданство возникает в XX веке и включает широкий спектр прав, от права влиять на экономическое благосостояние и безопасность до права жить как цивилизованное существо в социальном плане и в соответствии со стандартами, предлагаемыми обществом. Таким образом, социальное гражданство возвестило государство благосостояния. Однако стоит сказать о том, что в ходе глобализации активизировались финансово-экономические факторы мирового развития, и кажется, что национальная политическая идентификация постепенно уступает место транснациональной экономической идентификации. Быть служащим какой-либо крупной, известной на мировом рынке корпорации значит не меньше, чем быть американцем, англичанином или французом.

Сегодня нельзя не видеть признаков утраты государством консолидирующей силы, которой оно обладало еще в начале второй половины XX века. Среди этих признаков обычно отмечают следующие. Во-первых, несовпадение границ государства и границ гражданства («сверхнациональное гражданство», ставшее возможным с возникновением Евросоюза), формирующих очертания солидарности и принадлежности. Во-вторых, дрейф лояльностей: лояльность индивидов адресуется иным объектам, чем нация-государство (иногда совмещаясь с лояльностью последнему, а иногда вступающая в конфликт с ней). Наиболее очевидный пример альтернативной лояльности – «общества идентичности», от субкультурных до этнических и религиозных, получившие глобальное распространение благодаря интернету. Другой случай утраты нацией-государством монополии на лояльность: «экономическое гражданство», о котором заговорили с распространением транснациональных корпораций. В-третьих, форми-

рование транснациональных режимов справедливости. Благодаря деятельности Европейского суда по правам человека, граждане государств, подписавших соответствующую конвенцию, получают возможность добиваться своих прав вопреки нежеланию государства, гражданами которого они является. Ряд авторов (например, Жасмин Соисал) ведут в этой связи речь о «постнациональном гражданстве» [6].

С другой стороны, несмотря на явные кризисные явления, гражданство по-прежнему является неотъемлемым элементом национального государства. Однако в настоящий момент глобальные изменения трансформируют сами условия, в которых артикулировались отношения гражданства и национального государства. С одной стороны, экономическая приватизация, децентрализация и усиление международного режима защиты прав человека, а с другой – возникновение многочисленных акторов, групп и сообществ, которые усиливаются трансформациями государства и нежеланием идентифицировать себя как нация, олицетворенная государством. Таким образом, проблемы, ранее рассматривавшиеся в рамках политических или экономических направлений, становятся предметом обсуждения в широком междисциплинарном исследовательском поле.

Следует отметить, что и у Томаса Маршалла существует дихотомия гражданства и класса [4]. Поэтому конфликт между национальными государствами – функциональный, а не территориальный. Иначе говоря, как рабочие могут быть гражданами? В эпоху глобализации расшатывание границ приводит к иному звучанию этой же проблемы: как иностранец может быть гражданином?

Кристиан Йопке выделяет три аспекта, в которых сегодня обычно рассматривается проблема гражданства – гражданство как статус, определяющий формальное членство и правила, по которым оно оценивается; как права, т. е. формальные возможности и защита, связанные со статусом; как идентичность, т. е. поведенческие паттерны индивидов, действующих и считающих себя членами сообщества, в основном нации, или нормативные концепции этого поведения, определяемые государством [3]. В последнем случае гражданство адресуется к един-

тву и интеграции общества и тесно связано с семантикой нации и национализма.

1. В статусном измерении наиболее важным была либерализация доступа к гражданству, поэтому и смещение границ произошло от проблемы гражданства по рождению в сторону национализации территории. Произошла внутренняя диверсификация этнических, расовых и религиозных границ.

2. В правовом измерении в эпоху национальных государств наиболее важным являлось социальное право гражданина. Внешняя закрытость была основанием сильного национального государства, этническая гомогенность, солидарность требовали перераспределения благосостояния. Сегодня этническая диверсификация общества как основы социальных прав уступает место другим типам права, например, право на антидискриминацию и признание мультикультурности.

3. Измерение идентичности. В той степени, в которой гражданство становится свободным от этнических, расовых и культурных определений, и аффилиация примордиалистских групп защищаются или даже продвигаются через принятие мультикультурности, а членство в государстве больше не соотносится специфической идентичностью.

Любая попытка провозгласить гражданство без государства – это требование выполнить государством определенные действия – признать однополые браки, приветствовать права меньшинств. И Йоппке возвращает нас к исконному смыслу гражданства – принадлежности государству.

Несколько моментов важны для понимания трансформаций гражданства в глобализованном современном обществе.

Во-первых, степень, в которой гражданство должно быть видимо как индивидуальное отношение личности и государства, как это видит либеральная теория, или как отношение, опосредованное (национальным) сообществом, как это провозглашается республиканцами или коммунитаристами (B. Turner, N. Yuval-Davis). С другой стороны, проблема состоит в том, в какой степени гражданство должно быть видимо – как абстрактная категория «гражданин» или как «укорененная» категория, объединяющая людей по гендеру, классу, этничнос-

ти, жизненному укладу. Все это вызывает дегомогенизацию понятия «гражданство» (W. Kymlicka).

Во-вторых, степень, в которой гражданство должно определяться отношением между людьми и национальным государством как таковым (Jean Cohen). Надо иметь в виду, что политический контекст, в котором возникает институт гражданства, разный. С одной стороны, это Древняя Греция с ее городами – государствами, где гражданство – это отношение между законом и подзаконным. Иная модель предлагается Римской империей как форма участия, т. е. форма легального статуса со специфическими правами и обязанностями. В эпоху становления национальных государств оба понятия сливаются.

Н. Юваль-Дэвис вводит понятие «многоуровневого гражданства» [7], которое привязывается не к национальному государству, а к человеку, который может принадлежать разным политическим и социальным слоям. Она опирается на определение гражданства Т. Х. Маршалла, которое обозначено как полное членство в сообществе со всеми правами и обязанностями, и эти права и обязанности могут носить локальный и транснациональный характер, связанный с классом, гендером и другими маркерами. Но гражданство в гетерогенном обществе – это нечто иное, чем в гомогенном. Поэтому целесообразно использовать термин «многоуровневое гражданство» (multilayered citizenship) применительно к тем, чье гражданство оказывается укорененным: люди являются гражданами более, чем одного политического сообщества. Гипотеза Юваль-Дэвис заключается в том, что этот «слоеный пирог» касается меньшинств (беженцы, этнические меньшинства, мигранты) в большей степени, чем людей, принадлежащих к доминирующей группе. Поэтому многослойное гражданство обращено в первую очередь к тем, кто воспринимает принадлежность как укорененную.

Безусловно, ни один из междисциплинарных проектов, ориентированных на Cultural Studies, не обходит стороной другую проблему – отношение к территории. Пафос данного ракурса рассмотрения заключается в том, что иллюзорность культурной идентичности, равно как и эрозия гражданства

есть результат де-территоризации современных сообществ (community). Пользуясь терминологией Б. Андерсона, «воображаемые сообщества» присутствуют тогда, когда речь идет об обосновании собственной социокультурной и политической принадлежности. Пожалуй, самым ярким доказательством служит развивающееся знамя космополитизма, выступающего в качестве альтернативы мультикультурализму или его высшей стадии.

Размывание границ приводит не только к виртуализации принадлежности, но и формированию нового типа солидарности. Как подчеркивает С. Сассен, причины кроются в изменении центра и периферии глобальной политики. Отсюда и противостояние глобального центра и локальной периферии [5]. И в то время как для глобального центра гражданство теряет свою значимость, сменяясь космополитизмом, локальные акторы периферии, оказавшись в центре, требуют жестких рамок гражданской принадлежности. Гражданская принадлежность означает включенность в социальную жизнь общества, социальные (групповые) права, которые расцениваются как привилегии.

На наш взгляд, оказывается полезным обращение к опыту репрезентации данной проблематики современными британскими специалистами. Так, Ян Арт Шольте предлагает рассматривать проблему гражданства через противопоставление глобального и межнационального (международного) [8], исходя из теории ассоциативной демократии Алексиса де Токвиля (ассоциация – от лат. «associatio» – соединение – добровольное объединение физических и (или) юридических лиц с целью взаимного сотрудничества при сохранении самостоятельности и независимости входящих в объединение членов).

Глобализация рассматривается Шольте как усиление транспланетарной социальной связанности всех элементов, а международные отношения продолжают существовать как отношения между национальными государствами. В центр противоречий помещается так называемое гражданское общество, рассматриваемое как политическое пространство, в котором формальная или неформальная ассоциация граждан ищет другую политическую партию или ассоциацию для того, чтобы устанавливать социальные

роли.

«Гражданское общество» не относится исключительно к западной парадигме социокультурного развития, но является кросскультурной. По сути, Шольте прав, говоря о воображаемой, но неизбежной глобализации, т. к. по-прежнему важна территориальная идентичность, вернее территориальная принадлежность, определяемая самим участником глобальных коммуникаций. Ожидаемой унификации не произошло, а процессы локализации оказываются столь же неизбежными, как и глобализационные. Наконец, стоит отметить и взаимозависимость глобальных и национальных процессов.

Почему гражданское общество оказывается составляющей глобальных, а не международных процессов? Шольте определяет глобальность гражданского общества через глобальность вопросов, которые задают члены этого сообщества. Он подчеркивает следующие особенности:

- организационно связи оформлены по горизонтали;
- глобальная инфраструктура поддерживает связи в рабочем состоянии;
- гражданское общество обладает ресурсами, выходящими за рамки национальных или международных (ВТО, опросы общественного мнения и т. д.);
- гражданское общество поддерживает внетерриториальные формы идентичности и солидарности;
- правила, принятые данным сообществом – глобальны.

Гражданское общество оказывается той социальной общностью, которая скрепляется разделяемыми всеми ее членами политическими ценностями, но требует разделяемой всеми идентичности, иначе говоря, единством истории, языка и, возможно, религии. Это положение выводит нас за рамки традиционной политологии (Political Studies) в широкий социально-гуманитарный исследовательский контекст. Однако Шольте, как и многие европейские исследователи проблем гражданства, рисует идеальную картину того, как должно выглядеть «настоящее» гражданское общество в глобальном масштабе. Между тем, мультикультурное общество, идеология которого принята повсеместно, как раз и подвергает сомнению саму возможность единства (и необходимости)

истории, языка и религии. Пытаясь обойти противоречия мультикультурализма и современного гражданства, европейская исследовательская традиция использует принцип социальной инклюзии как скрепляющий современное глобализирующееся общество. Так, в изданном в 1990 году отчете Комиссии по гражданству Палаты общин Великобритании говорится: «гражданство – это добровольный вклад граждан в общее благо» [2]. Таким образом, концепция «интегративного гражданства» вновь возвращает нас к проблеме «приобщения» не-граждан к базовым ценностям принимающего сообщества, т. е. европейским универсалистским ценностям.

Хотя эта ситуация ослабляется горизонтальными сетями и освобождением капитала от локальных связей, национальное государство усиливается через новые приоритеты, имя которым – безопасность. Именно эта тема является «горячей точкой» современных европейских Political Studies и Cultural Studies. Опасность исходит, с одной стороны, от институтов неолиберальной экономики, которая является фокусом геополитических конфликтов. Именно национальное государство являлось краеугольным камнем любой глобальной системы правовой или государственной регуляции. Международные структуры были построены после Второй мировой войны, и сегодня они не так облечены властью, как в то время. В однополярном мире, созданном военным и экономическим доминированием Соединенных Штатов, практическая геополитика предполагает, что авторитет таких структур, как ООН, смещается рядом инициатив, которые исходят непосредственно от стратегических инициатив США, представляемых зачастую как универсалистская риторика. По случаю, эта идиома даже представляет идеал имперской власти как «этическую» силу, которая продвигает стабильность среди хаоса постколониального мира, в котором велика опасность терроризма со стороны нигилистически настроенных государственных и не государственных акторов.

Следует отметить, что культурология активно занимает пространство, ранее принадлежавшее дисциплинарному полю

политологии: территория, власть, права – компоненты, изначально характеризующие узнаваемый облик Political Studies. С другой стороны, политология активно использует потенциал, предлагаемый современными европейскими Cultural Studies. Так, обращаясь к постнациональному гражданству, Л. Бенхабиб напоминает нам, что проект постнациональной солидарности – это «моральный проект» [1], который изменяет существующие государственные границы, а значит, выносит проблему гражданства за пределы политологических исследований и «привязывает» ее к социокультурному контексту, формируя иную исследовательскую стратегию. Именно такой поворот позволяет и делает необходимым использование опыта внедрения новых исследовательских трендов в междисциплинарные практики Cultural Studies.

Литература

1. *Benhabib S.* Another Cosmopolitanism. – Oxford University Press, 2006.
2. *Encouraging Citizenship: Report of the Commission on Citizenship of the House of Commons.* – House of Commons, 1990.
3. *Joppke C.* Transformation of Citizenship: Status, Rights, Identity. // *Citizenship Studies.* V. 11, №1, February 2007. – С. 38.
4. *Marshall T. H.* Citizenship and social class and other essays. – Cambridge: CUP, 1998.
5. *Sassen S.* The repositioning of citizenship: emergent subjects and spaces for politics. // *Berkeley Journal of Sociology.* – 2002. – V. 46.
6. *Soysal Y.* Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe. – Chicago: Chicago University Press, 1994.
7. *Yuval-Davis N.* Intersectionality, Citizenship and Contemporary Politics of Belonging. // *Critical Review of International Social and Political Philosophy.* V. 10, №4, Dec. 2007.
8. *Шольте Я. А.* International governance and civil society. // Курс лекций «International governance and civil society», прочитанный в университете г. Линчепинга (Швеция) 06–09 октября 2009 года.

Поступила в редакцию

15 октября 2010 г.

Оксана Сергеевна Карнаухова – кандидат философских наук, доцент кафедры теории культуры, этики и эстетики факультета философии и культурологии Южного федерального университета.

Круг научных интересов: межкультурные коммуникации, гражданство и идентичность в мультикультурном обществе, постколониальный дискурс социокультурных исследований.

Oksana Sergeevna Karnaukhova – Ph.D., candidate of philosophy, docent of Southern Federal University philosophy faculty's department of culture theory, ethics and aesthetics.

Sphere of interests in scientific field: intercultural communications, citizenship and identity in multicultural society, post-colonial discourse of social and cultural studies.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105, к. 330
105 Bolshaya Sadovaya st., of. 330, 344006, Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 (919) 880-42-48; e-mail: oskarnauhova@sfedu.ru
